

Фильм "Под песком" вернул в кино одну из самых загадочных звезд, англичанку Шарлотту Рэмплинг. Она играет женщину, которая учится жить в одиночестве после того, как ее муж таинственным образом исчезает во время отдыха на пляже.

Возвращение Шарлотты Рэмплинг — достойный повод вспомнить ее путь в кино, ей довелось встретиться на этом пути со многими замечательными людьми.

— На премьере фильм "Под песком" вы сказали: "Это путь женщины, которую я знаю. Я вложила в эту роль свою жизнь".

— Этот фильм, как и большинство других, где я играла, стал для меня новым испытанием. Эта роль сырана целиком на инстинкте и жизненном опыте. Сегодня часто говорят, что кино — это игра. Но когда актер создает роль, он всегда вкладывает в нее часть своей души. Только он знает, как далеко он может зайти в исследовании самого себя.

— Вы дали согласие сниматься до того, как сценарий был завершен.

— Да, мы снимали фильм по частям. Вторая часть была написана только после того, как мы сняли первую. У Франсуа Озона была идея, как закончить фильм — но не более того. Как именно пойдет жизнь этой женщины после исчезновения мужа — все это было не очень понятно.

— Именно это и привлекло вас в проект?

— Да, мне это было интересно. Плюс — убежденность Франсуа в своей правоте, глубина его идей, необычность сюжета. С того момента, как муж этой женщины исчезает, зритель все время спрашивает, что она будет делать дальше. Она не знает, жив ее муж или нет. Поэтому, чтобы не сойти с ума, она должна зайти очень далеко и изобрести для себя целую историю. Когда кто-то умирает от болезни или несчастного случая, это ужасно, но, по крайней мере, не загадочно. Это осязаемо. Я разговаривала с людьми, у которых исчезли близкие — это еще хуже. Они по-прежнему верят, что исчезнувшие могут вернуться. Они по-прежнему всматриваются в лица на улицах.

— Вам понравилось работать с Франсуа Озоном?

— Он очень симпатичный, заботливый, помогающий актеру режиссер. Но вместе с тем в нем есть что-то от молодого петушка: в его взгляде все время чувствуется вызов. Он никогда не обманывает актера, никогда не заигрывает с ним. Я также была счастлива снова встретиться с Бруно Кремером, с ним четверть века назад снималась в фильме "Плоть орхидей". Когда Франсуа упомянул о нем, я сразу же поняла, это как раз тот самый актер, который нам нужен. В нем было то, что требовалось для персонажа: доброта, щедрость и в то же время — беспокойство.

— Впервые в жизни вы играли буржуазку, которая моет посуду и занимается другими банальными делами.

— Франсуа считает, что он выиграл пари. Он говорит: занимаюсь будничными делами, я оставалась загадочной. (Смех). По правде говоря, раньше я избегала играть таких персонажей.

— Вам нравится быть загадочной?

— Меня многие называют загадочной, но я не могу сказать, что сознательно поддерживаю этот культ. По крайней мере, я не знаю рецепта этой загадочности.

— Но вы хотя бы представляете себе, откуда она происходит?

— Возможно, дело в сочетании застенчивости и желания бунтовать. Мне никогда не хотелось идти тем путем, которым уже шли другие. Наверное, я подсознательно искала роли, где предельно этот аспект моей личности.

— Каким было ваше детство?

— Суровым. Отец был артиллерийским полковником. Мы постоянно переезжали с места на место, у нас с сестрой не было друзей — мы не успевали ими обзавестись. Поэтому, наверное, мы были так близки. Я была несостоявшимся сыном в семье. Отец очень хотел мальчишку. Поэтому я была его маленьким лейтенантом. Всегда коротко стриглась. Мне хотелось, чтобы папа меня похвалил.

— Когда вы успели так хорошо выучить французский язык?

— В 50-е годы отец был расквартирован неподалеку от Фонтенбло.

— Счастен он был. Но именно поэтому я и должна была найти необычную профессию, которая позволила бы мне выбраться из этой ситуации тотального несчастья.

— Год назад в одной телепередаче отец назвал вас "странной женщиной". Вы были удивлены?

— Да. Вы знаете, даже сегодня, когда отец видит мои фотографии в фильмах, он заявляет: "Это не ты!" А если я спрашиваю его, какая же я на самом деле, он не может мне ответить. Возможно, всем отцам трудно примириться с тем, что их дочери становятся женщинами.

Загадка Шарлотты Рэмплинг

Сьюзен ХОУАРД

Три года я училась во французской школе. Это изменило мою жизнь и карьеру.

— Когда вы захотели стать актрисой?

— В 13 лет мы с сестрой начали выступать в кабаре в пригороде Лондона. Мы пели по-французски, разыгрывали скетчи. Надевали береты и плащи, и нам казалось, что мы ведем себя вызывающе. Для того времени это было очень смело. (Смех). Тогда я впервые поняла, что такое контакт с публикой. Между мной и залом словно пробежали электрические волны. Все говорили, что на сцене я преобразовалась. Я была счастлива, и решила: стану певицей и танцовщицей варьете. Разумеется, отец был против.

— Он предпочел, чтобы вы стали манекенщицей?

— Нет! Но в то время эта профессия считалась еще не такой шикарной, как сейчас. Я не так уж много снималась. У меня была не очень подходящая внешность для манекенщицы, меня редко приглашали позировать. Мой агент требовал, чтобы я сделала подтяжку век — он считал, что они у меня слишком тяжелые. Разумеется, я отказалась. Для меня работа манекенщицы была возможностью заработать немного карманных денег. Чтобы доставить отцу удовольствие, я одновременно училась на курсах стенографии. Он считал, что в амплуа секретарши я принесу людям больше пользы. Позже, когда я стала актрисой, ему нечем было крыть. Я стала сильнее его, зарабатывала гораздо больше денег. У нас всегда были сложные отношения. Только много лет спустя я поняла, как не-

мн. Только после этой передачи я узнала, что отец все-таки посмотрел "Ночного портье". Удивительное дело! Мы с ним никогда не говорили о моей работе. Правда, иногда он спрашивает меня, не собираюсь ли я бросить кино.

— Когда вы твердо решили стать актрисой?

— После моего второго фильма, "Прогнившие до основания" (Rotten to the Core). Он имел огромный успех, и я решила, что упускать такой шанс нельзя. Мне было 18 лет. Я пошла на курсы актерского мастерства: у меня было чувство вины из-за того, что я стала актрисой без образования. В Англии все актеры учатся. Практически никто не берет сниматься с улицы. Но меня почему-то взяли.

— Ваши последние фильмы "Наживка... и как ее получить" (The Knack and How To Get It) и "Девушка Джорджи" (Georgy Girl) также имели большой успех.

— Да, их до сих пор показывают в Нью-Йорке. Они — фильмы-символы эпохи раскрепощения нравов. От этих фильмов веет свободой. Я была невероятно счастлива, снимаясь в них, чувствовала, что становлюсь знаменитой, мне это нравилось, мне хотелось играть, петь, танцевать, и чтобы все на меня смотрели. Наверное, я хотела слишком многого. Жизнь меня скорректировала.

— Сегодня часто вспоминают "свингующий Лондон" 60-х. Каким он был на самом деле?

— Все ограничивалось несколькими кварталами и парой дискотек в других частях города. Это было очень небольшая прослойка художников, музыкантов, актеров. Были "Битлз", "Роллинг Стоунз".

Наши пути часто пересекались. Нам было весело, мы были совершенно невинными, мы открывали для себя жизнь. Все казалось возможным. А нашим родителям все это представлялось верхом разврата. По правде говоря, я не люблю вспоминать бытовую сторону 60-х годов. В то время умерла моя сестра — она возвращалась из Аргентины, у нее случился разрыв аорты. Мы с ней были очень близки. Незадолго до этого у нее родился ребенок. Я страшно переживала. Думаю, ее смерть изменила меня, мой жизненный путь.

— А как вы работали на съемочной площадке?

— Висконти мог быть строг с другими актерами, но со мной был ангельски терпелив. Он стал моим духовным отцом. Он указал мне путь и объяснил, что кино — это не игра, а способ бытия. На съемках он все время повторял: "Я не хочу, чтобы ты играла. Я хочу, чтобы ты существовала".

— В "Тибели богов" вы в первый и последний раз сыграли невинность.

— Невинность? Знаете, я должна была сниматься в "Невинном" Висконти, но — не сложилось. Я снималась в Мексике, он не мог ждать — у него оставалось слишком мало времени. Это одно из самых больших сожалений в моей жизни. Четыре месяца спустя он умер. Он едва успел закончить монтаж "Невинного". В последний раз мы виделись, когда я приезжала в Рим. Это было ужасно — видеть его больным, беспомощным, старым. Много лет спустя я виделась с Дирком Богардом перед его смертью и пережила такой же шок.

— Вы с Богардом стали друзьями на съемках "Тибели богов"?

— Да. Именно он предложил мою кандидатуру для "Ночного портье". Он обладал элегантной душой. Он умел жить. Но при этом мог быть довольно сволочной персоной! Он вовсе не был святым. Я обожала, когда он рассказывал мне о своем богатстве и виллах на Лазурном берегу. В его книгах не упоминается ни о чем подобном. Это было удивительно: звезды прошлых эпох вели совсем иную жизнь.

— И вы мечтали о таком стиле жизни?

— Ну, конечно! Я ждала, что не родилась в ту эпоху. Мне хотелось жить в этом раю, среди этих богоподобных существ.

— В начале 70-х вы приехали в Голливуд.

— И мне там совершенно не понравилось! Наверное, потому что я фантазировала себе невесту что. А на деле все оказалось совершенно иначе. Там мне постоянно говорили, что я ужасно похожа на молодую Лорен Бэколл. Спрашивали, не собираюсь ли я играть ее дочь. Думаю, она бы этого не хотела. Однажды мы встретились на какой-то вечеринке. Она знала, и я знала, что она знает, что болтают про наше сходство. Но поскольку она не стала об этом говорить, я тоже предпочла промолчать.

— Итак, в Голливуде вы не прижились.

— Думаю, я просто пошла туда в плохой год. Как раз в то время все были потрясены убийством Шарон Тейт. В городе царил паранойя. Все были по уши накачаны наркотиками. Меня это пугало. Я знала, что не смогу долго удерживаться от соблазна их попробовать. Поэтому через год я вернулась в Англию.

— Если подлистать старые газеты, можно найти сообщения, что в Лондоне вы стали жить с двумя мужчинами сразу.

— Ужасная глупость. Когда я вернулась в Англию, мне негде было жить. Один мой друг предложил мне временно пожить в квартире, где обитали он и его приятель. Я согласилась пожить у них несколько дней, пока не найду себе квартиру. Собственно говоря, мне нужно было куда-то поставить чемоданы. А потом оказалось, что нам втроем очень здорово живется вместе. Мы дружили, помогали друг другу. Я обожала их обоих. Я просто была не в состоянии выбрать одного из них. Они защищали меня, провозглали. Для сегодняшних молодых людей эта ситуация почти банальна, но в то время... Когда я сказала журналисту, что с удовольствием вышла бы замуж за

Висконти очень долго меня рассматривал. Молча. Потом спросил, что я думаю о сценарии. Я ответила: не могу играть Элизабет, ибо не подхожу ни по возрасту, ни по жизненному опыту. Висконти сказал, что видел все мои фильмы, и заявил: "Я научу вас быть актрисой. Потому что вы — актриса, но еще этого не поняли. Я вас одену, причешу, загримирую, и вы станете Элизабет. Все, что мне от вас нужно, — это то, что скрывается в ваших глазах." И он был прав. Когда меня соответствующим образом одели, причесали и накрашили, я пережила шок, посмотрев на себя в зеркало.

— После рождения сына Лиллана Кавани предложила вам роль в "Ночном портье". Что вы почувствовали, прочитав сценарий?

— Я была потрясена. Вы, конечно, знаете, что это история взаимоотношений бывшей заключенной концлагеря со своим истязателем? Я позвонила Дирку. Оказалось, что у него этот сценарий лежит уже пять лет. Он не знал, что с ним делать, но был уверен, что я — единственная женщина, которая может стать его партнершей. Услышав это, я не могла не согласиться.

— Вам было трудно сниматься?

— Трудно — не то слово. Ужасно. Кошмарно. Я заранее понимала, что это будет трудно, но не думала, что вся работа станет сплошной кровоточащей раной. Наверное, я ринулась в работу очертя голову, не думая о последствиях. Мы начали снимать со сцен в концлагере. Я все время была обнажена, в парике. Не знаю, как я это выдержала. Думаю, в какой-то момент я стала работать на автопилоте. Иначе было просто невозможно.

— Вы о чем-нибудь мечтали во время съемок этого фильма?

— О чем там можно было мечтать? Не помню. Конечно, этот фильм, как и несколько последующих, — например, "Плоть орхидей", Патриса Шеро — оказали благотворное влияние на мою внутреннюю эволюцию.

— Вы никогда не жалели, что снялись в "Ночном портье"?

— Никогда! Даже наоборот. Я полностью согласна с тем, что утверждается в этом фильме. Иногда меня спрашивают, не надоело ли мне обсуждать "Ночного портье". Но разве матери может надоесть говорить о своем ребенке? После этого фильма мы стали большими друзьями с Дирком, встретились на протяжении 20 лет, до его смерти. Он часто ворчал на меня, считал, что актер не должен показывать свою усталость на работе, не должен отдаваться во власть эмоций. Он вел себя, как старый, умудренный жизнью воин. Мне, дочери военного, это нравилось. А Лиллана Кавани еще лет десять уговаривала меня сняться в ее следующих фильмах. Но я не смогла. У меня не было сил.

— Вы сказали, что фильм повлиял на вашу внутреннюю эволюцию. Вы бы не могли уточнить?

— Благодаря ему я поняла, что такое дерзость. Я сама была потрясена своей смелостью. С тех пор я выбирала роли, задавая себе вопрос, далеко ли я могу зайти.

— По выходе "Ночного портье" вас обвинили в унижении женского достоинства и надругательстве над жертвами нацизма.

— Я была в отчаянии от этих обвинений. Для меня этот фильм — история великой любви.

— Вы часто играли женщин, которые идут до конца в своей страсти, сгорают от любви. Вы считаете, что от любви можно умереть?

— Да. Но в "Ночном портье" они умирали не от любви. Я хочу спросить вас об одном. Почему этот фильм до сих пор живет в памяти людей? Потому что они верят в реальность показанного. Это трогает людей помимо их воли потому, что такая страстная любовь действительно возможна.

— Среди ваших достижений того времени вы упоминаете "Плоть орхидей".

— Героиня, которую я там играла, могла бы быть младшей сестрой Лючи из "Ночного портье". Я обожала Патриса Шеро. Он живет на пределе чувств, и мне это нравится. На его фильме я познакомилась с величайшей Эдвиж Фейер, но больше всего мне запомнилась встреча с Симоной Синьоре, с которой у меня сложились очень близкие

отношения. Мы нравились друг другу. Она олицетворяла для меня квинтэссенцию кино: женственность, мифологичность, мужество, хрупкость. Она не возражала, когда по роли ей предстояло сильно постареть, она не боялась выглядеть некрасивой. Я была заворожена ее личностью. После съемок я навещала ее раза два. Это было волшебство.

— В начале 80-х годов вы снова оправились в США и снялись у Вуди Аллена в фильме "Воспоминания о звездной пыли".

— Он связался со мной в 1979 году, будучи проездом в Париже. Встреча была чисто формальной. Он меня оглядел, задал несколько дежурных вопросов, упомянул, что собирается снимать экспериментальный фильм и сказал: "Я хотел бы, чтобы вы стали моей идеальной женщиной. Вы согласны?" Разумеется, я была согласна. Кто же не хочет стать мечтой Вуди Аллена? Он был очень добр. Благодаря ему я могла сниматься в Америке, на каждый уик-энд летать в Париж. Незадолго до этого у меня родился второй сын, и мне не хотелось оставлять его надолго. Обычно американцы не любят таких вещей, но Вуди настоял, что ему нужно именно я, и продюсеры смирились. Пять месяцев я снималась в Нью-Йорке, а уик-энды проводила на площадке Конкорд.

— Какой вы видите американца?

— Интригующий. В целом у меня там очень хороший имидж "экстравагантной европейской актрисы". Они никогда не знают, чего от меня ждать.

— Какие воспоминания остались у вас от съемок фильма "Вердикт"?

— Очень хороший фильм. Сидней Люмет — замечательный режиссер. Перед тем, как снимать, мы две недели репетировали. Пол Ньюман оказался прекрасным партнером — это очень спокойный, скромный человек. Все почему-то спрашивают, действительно ли он дал мне пощечину, когда мы снимали сцену объяснения героев в финале. Получилось очень реалистично, но на самом деле все это — чистое кино. Мы с Полом остались хорошими друзьями, время от времени обмениваемся новостями.

— Кто еще из американцев вам запомнился?

— Роберт Митчем в фильме "Прощай, любимая". Он мог есть на ходу какую-то "быструю еду", а потом пойти в ресторан и заказать самые изысканные деликатесы. Он был утонченным, необычным человеком. Впрочем, это видно на экране.

— В Америке вас в основном приглашали на роли роковых женщин.

— И мне это очень нравилось! Они опасны, они красивы, и в их красоте есть что-то смертоносное. Они непредсказуемы.

— Во Франции вы впервые сыграли роковую женщину в фильме "Умирают только дважды" Жака Деру, и получили за эту роль номинацию на "Сезар".

— Мне понравилось работать с Деру и его сценаристом Мишелем Одиаром. Первая версия сценария была интересной, но женская роль была едва обозначена. Жак объяснил мне, что Мишель — очень застенчивый человек, и он не может написать роль для женщины, которую не знает. Мы собрались вместе и целый день обсуждали с Одиаром, какой я вижу свою героиню. Он говорил мне: "Дайте ощущения картинки, я смогу облек их в слова".

— Пожалуй, самой рискованной вашей работой стал фильм "Макс, моя любовь", в котором ваша героиня влюблена в обезьяну. Вам не казалось, что вы зашли слишком далеко?

— Нет. Сценарий вообще прислал не мне, а Жан-Мишель Жарру. Нагиса Ошима хотел, чтобы он подобрал ему пару идей относительно музыки. У него не было времени читать, он отдал сценарий мне и попросил сделать для него краткий пересказ. Я взяла сценарий и пошла в парикмахерскую. Там, сидя под феном, пережила настоящий шок. Это был один из самых интересных сценариев, которые когда-либо попадали мне в руки. Я знала, что роль предназначена Изабелле Росселлини, поэтому с сожалением вернула сценарий и отправилась с Жан-Мишелем в

Париж. И вдруг мне звонит из Парижа продюсер Серж Зильберман, и говорит, что Ошима хочет со мной встретиться. Забавно получилось: он был в Париже, а я в Японии.

— В кинокругах рассказывают байку: мол, когда вы спросили Ошиму, как вам играть в компании обезьяны, он сказал вам героиня влюблена, он сказал сам: "Вы сами мне это покажете".

— Примерно так и было. Нахальство, правда? Накануне начала съемок он нас собрал и сказал: "Я выбрал вас, потому что вы — лучшие". И все. Он давал очень мало указаний, словно все уже было сказано. Этот фильм был для нас просто историей любви. О том, как благодаря обезьяне муж заново учился любить свою жену. В Каннах из-за "Макса..." был жуткий скандал.

— Год спустя вы снялись в "Сердце ангела" Алана Паркера.

— Паркер — очень талантливый человек. А что касается Микки Рурка, я ни секунды не сомневалась, что с ним произойдет. Он шел по плохой дорожке. Он хотел быть бунтарем, но при этом требовал, чтобы ему платили огромные деньги. Он был соткан из противоречий. Его душа не смогла прижиться в шоу-бизнесе.

— В 1989 году вы надолго ушли из кино. Почему?

— Долгое время кино было для меня местом, где я могла спрятаться от жизни. После "Макса..." я начала понимать, что пора перестать прятаться. Я больше не могла притворяться. Мне нужно было научиться примирять жизнь и кино и не разрывая надвое каждый раз, когда я слышала слово "Мотор!"

— Но разве вы не могли попытаться играть в менее мрачных фильмах?

— Я играла только те роли, которые мне нравились. Я не воспринимала их как пытки или страдания — это была моя работа. И кстати сказать, я не чувствовала себя несчастной во время съемок. Мне было хорошо, я была замужем, у меня подрастали дети. И вдруг, в один прекрасный день, я поняла, что больше не могу нести на своих плечах все это. Мое равновесие было нарушено.

— Вам не кажется парадоксальным тот факт, что вы, воплощение невозможной, несверстающей любви на экране, в реальной жизни уже более 20 лет счастливо живете с мужем.

— Мы много дали друг другу. Илюзорно, как художника. Наверное, я осмелилась надолго уйти из кино только из-за того, что мне хорошо в семье.

— Однако за это время вы не раз оказывались в психиатрической клинике.

— В такой ситуации помогает возможность говорить с другими людьми. Я никогда не скрывала, что обращалась к психиатрам, мне хотелось, чтобы мой опыт помог другим осознать, что в этом нет ничего страшного, и из ситуации есть выход. Раньше моя душа все время была в синяках. И только четыре года назад я обрела гармонию между сознательным и бессознательным.

— Вы не боитесь, что за эти годы зрители вас забудут?

— У меня не было выбора. Но сегодня я снова с волнением ловлю на себе взгляды людей, которые словно прошли со мной весь мой путь. Я никогда не смогла бы сыграть в фильме "Под песком", если бы не прошла через все то, что мне пришлось пройти. Поэтому я и говорю, что этот фильм — моя жизнь. Да, я и есть эта женщина, которая долгое время свыкается со своим трауром. И если люди смогли ее понять и полюбить, значит, они смогли понять и полюбить мою внутреннюю эволюцию. Я всегда считала, что публика слишком добра ко мне. Меня это до сих пор удивляет. И если все эти годы люди спрашивали меня, почему я не снимаюсь, сегодня они могут найти ответ в фильме Франсуа Озона.